

На правах рукописи

УДК 165.12

Юрова Ирина Валерьевна

**ФЕНОМЕН ВНУШЕНИЯ:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Санкт-Петербург – 2018

Работа выполнена на кафедре философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена»

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор кафедры философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена»

Кушелев Виталий Анатольевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования и науки «Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет Российской академии наук»

Полатайко Сергей Васильевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»

Орлов Сергей Владимирович

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»

Защита состоится «30» ноября 2018 года в ____ часов на заседании Диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций, по защите докторских диссертаций Д 212.199.35, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена» по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5 и на сайте университета по адресу:

https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000465.html

Автореферат разослан «27» сентября 2018 года

Ученый секретарь

Диссертационного совета

кандидат философских наук

Воскресенский Алексей Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что, современная философия, признавая социальную природу познания, оказывается в ситуации, когда многочисленные формы субъект-субъектных и субъект-объектных отношений до сих пор оставляют простор для исследовательской мысли, в том числе и с таким гносеологическим актом как внушение, онтологическое значение которого остается не до конца проясненным.

Внушение как акт общения в научной сфере рассматривается в качестве одной из значимых граней социального взаимодействия, но оценивается исследователями по-разному. Дело в том, что различные виды и проявления внушения, наблюдаемые в разных областях научного знания, не дают полного ответа на вопрос о том, что же есть внушение как таковое, и почему оно оказывается неотъемлемым компонентом социального взаимодействия.

В современной философской литературе проблемы самости и внушения отражены без какой-либо прямой связи, и это оставляет немало вопросов к тому, как именно происходит внушение, его оценка и в ряде случаев – его распознавание и сопротивление ему как на уровне индивида, так и на уровне различных социальных групп. Способность самости к развитию, ее многоуровневая структура, рассматриваемые в контексте формирования интерсубъективности, позволяют взглянуть на внушение как механизм, обладающий регулятивными свойствами, позволяющими не только действовать с определенными целями, но и вовлекать в свою деятельность.

Продолжительное время внушение в психиатрии¹, психологии и педагогике истолковывали исключительно в негативном ключе, противопоставляя внушающему воздействию логико-рационалистическое мышление. Попытки объяснить роль внушения в формировании мнений сталкивались с пониманием его как регрессивного механизма, что, во-первых, исключало объяснение реализации самовнушения, а, во-вторых, оставляло без ответа вопрос, почему внушающее воздействие сохраняет свою востребованность с развитием общества. В то же время с появлением в начале и середине XX в. работ, подчеркивающих целесообразность применения внушения в различных сферах, возникла потребность более глубокого анализа этого феномена, обращения к его условиям, целям и основаниям. Однако бурный рост специальных техник воздействия, применяемых в социальной практике на рубеже XX-го и начале XXI вв., дал новый импульс исследовательской мысли расценивать внушение преимущественно как угрозу для личности, обесценивая тем самым уже выявленные позитивные аспекты, связанные с его конструктивным использованием, как, например, в образовательных и медицинских технологиях.

Существенные разногласия в оценках внушения направили исследователей к поиску социальных и гносеологических истоков различных трактовок внушения, к пониманию его сущности. Экстериоризация субъективных установок в процессе внушения обнаруживает проблему соотношения внушения и интерсубъективности, то есть гармоничной встраиваемости

¹ К примерам негативного истолкования внушения можно отнести, например, рассмотрение так называемых «истерических феноменов» в рамках Сальпетриерской школы неврологом Ж.-М. Шарко и его последователями; анализ подавления воли, сделанный юристом Сципионом Сигеле в его книге «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» (Париж, 1982); характеристику внушения как главного инструмента западной «буржуазной пропаганды», данную Б. Ц. Бадмаевым в книге «Элементы психологии и педагогике в партийной пропаганде» (Москва, 1980).

внушаемого содержания в уже существующие индивидуальные и групповые системы мнений, убеждений и верований.

Научная антропологическая парадигма свидетельствует о том, что человек обладает различными модусами существования, потому и внушение разнообразно по форме (манипулятивное, педагогическое, терапевтическое директивное, групповое, самовнушение и т.д.). Широкая вариативность внушения также усложняет задачу определения его онтологического статуса, так как она требует принять во внимание парадоксальную природу самости человека, ее закрытость, предполагающую в то же время и проницаемость для воздействий извне.

Фокус гносеологической неопределенности сосредотачивается в условиях восприятия внушения. Активность внушающего субъекта познания задается установками, целями и позицией внушаемого. И в этой связи особую значимость обретает вопрос: каким образом внушенное чужое мнение или установка встраивается в собственную систему знания субъекта. Решение этой задачи порождает целую вереницу проблем, связанных с познавательным аспектом социальной коммуникации, с трансляцией мнений в социуме. Каким образом внушение способно преодолевать индивидуальные различия в опыте? Что именно позволяет Другому так быстро и столь незаметно заполнить неполноту знания иной, отличной от него самости? Возможно ли создание единого методологического подхода к проблеме внушения, способного нивелировать возникающие противоречия в оценках и определениях внушения? Эти и многие другие аспекты проблематики задают актуальность философского исследования внушения как акта познания в субъект-субъектных отношениях.

Проблемным оказывается момент усвоения внушения, его оценка и в ряде случаев – сопротивление ему как на уровне индивида, так и на уровне различных социальных групп. И одновременно существенно значимым в

современных условиях становится выбор способов внушения, исключая любых формы опосредованного им давления и насилия, что ставит перед исследователями особые задачи поиска концептуальных основ его использования.

Степень разработанности проблемы.

Поставленные в работе проблемы побуждают обратиться к философским исследованиям нескольких направлений.

1. Наиболее значимый пласт используемых нами работ тесно связан с вопросом места внушения в генезисе социальной коммуникации. Гипотеза Б. Ф. Поршнева² о суггестивном мышлении, характеризующем древние коллективы, где отдельное Я еще не было столь различимо, как в современном социуме, является одной из первых попыток философского осмысления внушения и его роли в познании. По его мнению, суггестия представляет собой «особенность понимания», но в этой его интерпретации ее нельзя полностью отождествить с внушением как с направленным воздействием; отсылки Б. Ф. Поршнева к коллективному мышлению указывают на предшествующие внушению механизмы заражения и подражания, на «взаимовнушение» в трактовке В. М. Бехтерева³.

Генетические связи речи и внушения отражены в работах Б. А. Ерунова, Е. В. Косиловой, Н. Д. Субботиной и Ю. В. Пую⁴, рассматривающих этот вид воздействия в рамках становления сознания человека, условий и

² См. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М., 2006.

³ См. Бехтерев В. М. Гипноз. Внушение. Телепатия. М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2011.

⁴ Ерунов Б. А. Гносеология и социальная психология: (новые возможности человеческого познания). СПб., 2007; Косилова Е. В. От суггестии к сознанию // Вопросы философии. 2012, №3. С. 15-26; Косилова Е. В. Сознание: свобода, смысл, рефлексия и другие // Вестник Московского университета. 2013, №2. С. 3-12; Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М., 2006; Пую Ю. В. Философия манипулирования. СПб., 2009.

предпосылок порождения автономной мысли. При этом Н. Д. Субботина понимает внушение как «стихийно возникший способ включения инстинктивного подчинения», Б. А. Ерунов – как формирование с помощью готового мнения установки на восприятие, Е. В. Косилова – как регулятор иррациональной сферы, включающий интериоризированные установки социума. Д. И. Дубровский⁵ отмечает, что в сознании всегда есть поле возможностей для внушения, так как, чем шире убеждение и чем оно выше в иерархии ценностно-смысловой структуры сознания, тем большую неопределенность ему приходится преодолевать. В этой связи Ю. В. Пую анализирует двойственный характер внушающего воздействия: в зависимости от целей внушение способно как преумножать силы личности, так и культивировать ее «расщепление» в интересах других субъектов социального взаимодействия.

В. И. Молчанов, В. В. Ильин и А. Н. Павленко⁶ выявили угрозы на пути развития логико-рационалитического мышления, связанные с использованием внушения как способа социального воздействия и формирования установок. Обеспокоенность насаждением готовых мнений в современном обществе прослеживается в работах В. В. Бибихина, Д. И. Дубровского и М. К. Мамардашвили⁷.

2. Прояснение содержания понятий знания, веры, убеждения и мнения с целью различения их от внушения мы находим в трудах И. Канта,

⁵ Дубровский Д. И. Проблема познания чужой субъективной реальности // Философия науки. М., 2012. Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации. С. 24-39.

⁶ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007; Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М., 2014; Павленко А. Н. Пределы интерсубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания). СПб., 2013.

⁷ Бибихин В. В. Мир. Язык философии. СПб., 2016; Дубровский Д. И. Интерсубъективность в научном и массовом сознании // Интерсубъективность в науке и философии. М., 2014. С. 201-225; Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб., 2012.

У. В. О. Куайн, М. Полани, Б. Рассела, Л. Фейербаха, Ю. Хабермаса, Д. Юма⁸, а также в работах Д. И. Дубровского, Б. А. Ерунова, И. Т. Касавина, В. П. Копнина, Г. Д. Левина, В. А. Лекторского, А. Л. Никифорова, М. Остерхольма, Л. М. Райковой, М. Е. Соболевой, П. Хакера⁹ и других.

Результаты исследований Б. С. Алишева, В. А. Болотовой, Н. Ю. Калюжной и Д. И. Узнадзе¹⁰ позволяют провести наиболее четкую демаркацию понятий «внушение», «мотив», «личностный смысл» и «установка».

Происхождение религиозной веры рассматривается Дж. Л. Баррет, П. Буайе, Ч. Рамбле, К. Сзоциком¹¹, а также И. А. Бесковой,

⁸ Кант И. Религия в пределах только разума. М., 2012; Куайн У. В. О. Преследуя истину. М., 2014; Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985; Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. К., 2001; Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965; Хабермас Ю. Граница между верой и знанием // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С. 198-233; Юм Д. Сочинения в двух томах. Т.2. М., 1966.

⁹ Дубровский Д. И. Паранормальное // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Камчатская региональная ассоциация «Учебно-Научный Центр». 2003, №1. С. 37-39; Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания. Л., 1973; Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016; Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013; Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973; Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. Избранные философские работы. М., 1982; Левин Г. Д. Истинность и рациональность. М., 2011; Лекторский В. А. Вера и знание в современной культуре // Вопросы философии. 2007, №2. С. 14-19; Никифоров А. Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009, №3. С. 61-73; Österholm M. The ontology of beliefs from a cognitive perspective // Proceedings of the conference MAVI-15: Ongoing research on beliefs in mathematics education. September 8-11, 2009, Genoa, Italy. Pp. 35-46; Райкова Л. М. Вера как онтологическое условие субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010, №4. С. 90-94; Соболева М. Е. «Знание» и «мнение»: Платон против Геттиера // Вопросы философии. 2016, №2. С. 158-167; Hacker P. M. S. Of the ontology of belief // Semantik und Ontologie. Frankfurt, Ontos Verlag, 2004. Pp. 185-222.

¹⁰ Алишев Б. С. Смысл и мотив: к соотношению понятий // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2010. Т. 152, кн. 5. С. 159-171; Болотова В. А. Концептуально-семантический подход к понятию «установка» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011, №9. С. 105-107; Калюжная Н. А. Проблема веры в контексте принципа доверия субъекту познания // Гуманитарные исследования. 2007, №1 (21). С. 5-10; Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004.

¹¹ Barrett J. L. Cognitive Science of Religion: Looking Back, Looking Forward // The Journal for the Scientific Study of Religion. Vol. 50 (2), 2011. Pp. 229-239; Boyer P., Ramble Ch. Cognitive templates for religious concepts: cross-cultural evidence for recall of counter-intuitive representations // Cognitive Science. Vol. 25 (4), 2001. Pp. 535-564; Szocik K. Religion and religious beliefs as evolutionary adaptations // Zygon. Journal of Religious and Science. Vol. 52 (1), 2017. Pp. 24-52.

И. А. Герасимовой и И. П. Меркуловым¹² в рамках эволюционного и когнитивного подходов, в том числе – в тесной взаимосвязи с гипнотическим внушением и самовнушением. П. В. Копнин в русле диалектического метода отмечает необходимость веры как «промежуточного звена» между знанием и действием, подчеркивая значение убежденности для воплощения идей¹³. Б. А. Ерунов, предлагая социально-психологический подход к гносеологической проблематике, указывает, что «мнение отличается от веры тем, что установка является лишь одной стороной, моментом в его образовании»¹⁴, так как без объективного материала оно бы утратило всякое познавательное значение. Западные философы Д. Дж. Оуэнс и П. Хакер¹⁵ подчеркивают ценностный характер рациональной веры, делающий даже очевидные противоречия преодолимыми, так как вера-выбор разрешает конфликт разного уровня ценностей.

3. Поиск гносеологического смысла внушения заставляет нас обратиться к проблеме гносеологической неопределенности, которая в разной степени затронута в работах В. С. Готта, А. А. Грякалова, В. С. Диева, А. М. Дорожкина, В. А. Кушелева, М. К. Мамардашвили, А. А. Федорова и других¹⁶. В частности, А. М. Дорожкин и О. И. Соколова¹⁷ указывают, что

¹² См. Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М., 2010.

¹³ См. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. К., 1966. С. 246-250; Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973. С. 300-302.

¹⁴ См. Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания. Л., 1973. С. 73.

¹⁵ См. Owens D. J. Does Belief Have an I am? // *Philosophical Studies* 115. 2003. Pp. 283-305; Hacker P. M. S. Of the ontology of belief // *Semantik und Ontologie*. Frankfurt, 2004. Pp. 185–222.

¹⁶ Готт В. С., Урсул А. Д. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М., 1971; Грякалов А. А. Неопределенность и неопределенное: проекции субъективности // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика. СПб., 2013; Диев В. С. Гносеологические аспекты философии управления: рациональность, неопределенность, риск // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2014, №3 (Т. 12). С. 12-18; Диев В. С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // *Вестник Томского государственного университета*. 2011, №2 (14). С. 79-89; Дорожкин А. М., Пакина Т. А. Феномен научной неопределенности: анализ проблемы // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2010, №4 (20). С. 150-156; Кушелев В. А. Парадокс субъективности. Истина и ценность // *Инновационно-креативная аксиосфера и стратегии образования*. СПб., 2015. С. 294-299;

неопределенность в субъект-объектных отношениях проявляется в соотношении наличного знания и желаемого при осознании «объектом» собственных знаний как недостаточных.

Внушение в субъект-субъектных отношениях также раскрывается в ситуациях, актуализирующих групповые («Мы») и индивидуальные («Я») цели и ценности, которые сопряжены с пониманием мотива как полагаемого в конкретной ситуации смысла. В. А. Кушелев предваряет в своих работах аксиологический подход к пониманию роли внушения в познавательной деятельности¹⁸, анализируя переключение субъекта познания с индивидуальных ценностей на групповые.

4. Опыт, на который опирается человек в своей деятельности, обладает важной для нашего исследования характеристикой, поскольку предстает как динамичная структура, позволяющая человеку, по выражению А. А. Ухтомского¹⁹, «не разориться» в познании, а избирательным восприятием преодолевать интерференцию сигналов окружающего мира.

Взгляд на опыт как на целостность знания, формирующуюся на основе ценностных ориентаций субъекта, раскрывается в трудах В. В. Биbihина,

Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб., 2012; Федоров А. А. Homo Infinitus: человек, неопределенность и психологические конструкты // Человек в условиях неопределенности. Сборник материалов Всероссийской конференции 18-19 мая 2006 года. Новосибирск, 2006. С. 36-42.

¹⁷ См. Дорожкин А. М., Соколова О. И. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015, №12. С. 8.

¹⁸ Кушелев В. А. Аксиологическая природа сознания // Философия образования. 2014, №3. С. 115-128; Кушелев В. А. Деиндивидуализация человека в обществе // Символическая Вселенная ребенка: между информацией и знанием: сборник научных трудов. СПб., 2016. С. 39-44; Кушелев В. А. Парадокс субъективности. Истина и ценность // Инновационно-креативная аксиосфера и стратегии образования. СПб., 2015. С. 294-299.

¹⁹ См. Ухтомский А. А. Лицо другого человека: Из дневников и переписки. СПб., 2008.

Г. В. Ф. Гегеля, М. К. Мамардашвили, Дж. Сёрла, К. Г. Юнга²⁰, в исследованиях И. А. Герасимовой, Е. Н. Князевой, В. А. Кушелева, Л. А. Микешиной, Е. А. Никитиной, Ю. Н. Солонина²¹ и других. Синтезируемая мышлением целостность никогда не является просто суммативной и не предполагает завершенности, а оказывается лишь горизонтом познавательного процесса в отношении предмета.

5. Проблема усвоения социального опыта посредством неосознаваемой интеграции установок, так называемого неявного знания, заставила нас обратиться к работам, посвященным интенциональности (Э. Гуссерль, В. А. Ладов, С. В. Никоненко, Дж. Сёрл²² и другие) и интерсубъективности (А. Ю. Антоновский, Д. И. Дубровский, Ю. С. Моркина, А. П. Огурцов, Я. А. Слинин, Н. М. Смирнова²³), чтобы объяснить, каким образом внушение

²⁰ Бибахин В. В. Мир. Язык философии. СПб., 2016; Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2008; Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб., 2011; Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002; Юнг К.-Г. Об энергетике души. М., 2010.

²¹ Герасимова И. А. Проблема целостности // Эпистемология и философия науки. 2010, №1 (Т. 23). С. 64-66; Князева Е. Н. Телесно-ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010, №1 (Т. 23). С. 42-49; Кушелев В. А. Аксиологическая природа сознания // Философия образования. 2014, №3; Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М., 2007; Никитина Е. А. Познание. Сознание. Бессознательное. М., 2011; Солонин Ю. Н. Концепты и логические модели теорий целостности. Аналитический обзор // Ценности и смыслы. 2013, №1(23). С. 20-45.

²² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., 2009; Ладов В. А. Идея интенциональности в философии искусственного интеллекта Д. Деннета // Открытое и дистанционное образование. 2003, №1. С. 13-18; Никоненко С. В. Интенциональность: американская точка зрения // HORIZON. Феноменологические исследования. Т. 6, 2017, №1 (Т. 6). С. 9-44; Сирл Дж. Р. Разум, мозг и программы // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Самара, 2003. С. 314-331; Graham G., Horgan T. & Tienson J. Consciousness and Intentionality // The Blackwell Companion to Consciousness. John Wiley & Sons Ltd, 2017. Pp. 519-535.

²³ Антоновский А. Ю. Социоэпистемология: О пространственно-временных и личностно-коллективных измерениях общества. М., 2011; Дубровский Д. И. Интерсубъективность в научном и массовом сознании // Интерсубъективность в науке и философии. М., 2014. С. 201-225; Моркина Ю. С. Интерсубъективность как трансляция смыслов // Интерсубъективность в науке и философии. М., 2014. С. 313-323; Огурцов А. П. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки. М., 2009. Вып. 14. С. 235-246; Слинин Я. А. Феноменология интерсубъективности. СПб., 2004; Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009.

субъекта воздействия связывает интенции объекта воздействия, способного отвергать или принимать его как собственное частично или полностью.

Проблема встраиваемости внушения в жизненный опыт человека, полностью или частично минуя контроль сознания, отсылает к трудам Ю. М. Бородаев, Д. И. Дубровского, В. В. Ильина, Дж. Мида, В. И. Молчанова, К.-Г. Юнга²⁴, модели множественных набросков Д. Деннета²⁵, концепции гносеологического взросления Е. В. Косиловой²⁶, анализу нерелексивного способа познания Т. М. Рябушкиной²⁷, а также теории когнитивного бессознательного В. М. Аллахвердова²⁸.

6. Целостность опыта – это характеристика как индивидуального, так и доиндивидуального – физиологического, психического, группового и социального уровней познания, а потому особую значимость в его становлении приобретает чувство самости. Это понятие отличается богатым наполнением и различается в работах Г. В. Ф. Гегеля, Д. Деннета,

²⁴ Бородаев Ю. М. Воображение и теория познания. (Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения). М., 1966; Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М., 2007. С. 139-163; Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М., 2014; Мид Дж. Г. Философия настоящего. М., 2014; Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007; Юнг К.-Г. Об энергетике души. М., 2010.

²⁵ Деннет Д. Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании. М., 2017; Мареева Е. В., Мареев С. Н. О различии психики и сознания (против Д. К. Деннета) // Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. М., 2007. С. 146-154.

²⁶ Косилова Е. В. Философия возраста: взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека. М., 2014.

²⁷ Рябушкина Т. М. Круг рефлексии: в поисках выхода // Философские науки. 2011, №4. С. 128-142; Рябушкина Т. М. Перспектива самопознания и Другой // Философия и общество. 2012, №1. С. 144-161; Рябушкина Т. М. Саморефлексия субъекта познания // Философия и культура. 2013, №7. С. 985-995.

²⁸ Аллахвердов В. М., Науменко О. В., Филиппова М. Г., Щербакова О. В., Аванесян М. О., Воскресенская Е. Ю., Стародубцев А. С. Как сознание избавляется от противоречий // Шаги-Steps. Т. 1. 2015, №1. С. 165-181; Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю. Науменко О. В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008, №2. С. 10-19.

А. Ф. Лосева, Ж.-П. Сартра, К. Г. Юнга²⁹. Традиция понимания самости основывается на ее истолковании, с одной стороны, как идеала развития в стремлении к завершенности, а с другой – как ситуативное, меняющееся в своих границах, единство биологического и психического, бессознательного и сознательного, способное, тем не менее, к саморазличению. Самость представляется исследователям готовой вторгаться в Иное, расширяться в соответствии с новыми идентификациями и в то же время отчуждать свое содержание, объективируя его и отрицая вплоть до Я-отрицания³⁰.

Прояснение различий в подходах к пониманию самости мы встречаем в работах Д. Б. Волкова, Ф. И. Гиренка, П. К. Гречко, В. Н. Дробышева, О. И. Жуковой, А. С. Козыревой, Ю. М. Резника, В. И. Стрельченко, В. Т. Фаритова, Н. С. Юлиной³¹ и других. Обращение к исследованиям И. А. Бесковой, Д. И. Дубровского и Е. О. Труфановой³² позволяют

²⁹ Деннет Д. Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании. М., 2017; Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 2008; Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 299-526; Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2000; Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003, №2 (37). С. 86-121; Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. К., 1996.

³⁰ См. Гиренко Ф. И. Смена перспектив в философии человека // Человек.ру. 2015, №10. С. 88.

³¹ Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М., 2012; Гиренко Ф. И. Сознание и самость // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. М., 2007. С. 398-401; Гречко П. К. Человек. К вопросу о проектировании себя // Вопросы социальной теории: научный альманах. М., 2016. Том VIII. Человек в мире возможностей: образы будущего. Вып. 1-2. С. 25-34; Дробышев В. Н. Самость и различие // Философские науки. 2008, №2. С. 47-67; Жукова О. И. Понятие самости в системе философских представлений о человеке // Вестник Воронежского государственного университета. 2009, №1. С. 139-150; Козырева А. С. Субъективность и единство самости в феноменологической перспективе // Вопросы философии. 2014, №4. С. 156-167; Резник Ю. М. Творчество как способ самоконструирования человека // Вопросы социальной теории. М., 2014. Том VII. Человек как субъект конструирования. Вып. 1-2, 2013-2014. С. 137-154; Стрельченко В. И., Мурейко Л. В. Дегерсонализация человека и функциональность сознания // Философия права. 2009, №5. С. 45-52; Фаритов В. Т. Философский и психологический дискурс о духе (Г. В. Ф. Гегель и К. Г. Юнг: сравнительное исследование) // Философия и культура. 2015, №2. С. 251-259; Юлина Н. С. Дэниел Деннет: концепция сознания и личностного // История философии. М., 2000. Вып. 5. С. 192-198.

³² Бескова И. А. Эго-сознание как поверхностная структура // Философия науки. М., 2006. Вып. 12: Феномен сознания. С. 71-90; Дубровский Д. И. Гносеология субъективной реальности: к постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. Т.2. 2004, №2. С. 35-56; Труфанова Е. О. Единство и множественность Я. М., 2010; Труфанова Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М., 2018.

осмыслить отношения самости и Эго, которые оказываются подвержены постоянным изменениям.

Каждое из представленных направлений в отдельности не дает решения поставленных перед нами задач, однако, многосторонний анализ данных работ позволяет сформировать необходимую для исследования базу и найти ответы на вопросы, связанные с гносеологическим смыслом внушения.

Объектом исследования выступает онтологический статус внушения.

Предметом исследования является внушение как способ снятия гносеологической неопределенности и саморегуляции самости.

Цель диссертационной работы – исследование внушения как акта познания, его гносеологической относительности и онтологических оснований.

Достижение поставленной цели требует решения **следующих задач**:

1. Исследование содержания понятия внушения в его взаимосвязи с другими компонентами, влияющими на отношение человека к миру.
2. Раскрытие природы неопределенности в коммуникативно-познавательной деятельности.
3. Исследование влияния внушения на самость в процессе познания и социального взаимодействия.
4. Анализ соотнесенности влияния внушения на самость с механизмами преодоления гносеологической неопределенности в субъект-субъектных отношениях.

Положения, выносимые на защиту.

1. Внушение как акт познания содержит в себе принцип регулятивности в отношении самости.

2. Внушение гармонизируется с предшествующим опытом, исходя из целей и ценностей субъекта познания, образуя непротиворечивую целостность последовательных установок.

3. Внушение выступает как способ снятия гносеологической неопределенности в субъект-субъектных отношениях.

4. В то время как внушение позволяет снять гносеологическую неопределенность, автономное логико-рационалистическое мышление, опирающееся на когнитивные ценности, направлено на ее постоянное возобновление.

Теоретическое и методологическое основание исследования.

Теоретической основой исследования явились работы А. М. Дорожкина, Д. И. Дубровского, П. В. Копнина, Е. В. Косиловой, Т. М. Рябушкиной, социально-психологический подход к проблемам теории познания Б. А. Ерунова³³, а также предложенная В. А. Кушелевым концепция³⁴, характеризующая природу обратимых процессов, составляющих целенаправленную активность субъектов в биологическом, социальном и культурном измерениях. При этом были использованы также аксиологический, социокультурный и конструктивистский подходы к проблематике формирования опыта.

На основе принципов системности и всесторонности в работе используются общенаучные методы, в том числе – методы анализа и синтеза,

³³ См. Ерунов Б. А. Гносеология и социальная психология: (новые возможности человеческого познания). СПб., 2007.

³⁴ См. Кушелев В. А. Анатомия рациональности и принципы ее самоорганизации. Красноярск, 2011.

феноменологический, деятельностный и функционально-структурный подходы к проблеме внушения как акта познания. Инструментарий и методы исследования применены в соответствии с принципом дополнительности.

Кроме того, современное состояние проблемы внушения и его оценок научным сообществом потребовало на начальном этапе междисциплинарного уровня исследования, чтобы учесть имеющиеся наработки социогуманитарных и естественных наук. Ценностные аспекты, связанные с познанием в прямом межсубъектном взаимодействии, заставили нас обратиться к аксиологическому подходу. В рамках сравнительного анализа группового и автономного мышления учитывался эволюционный подход к проблематике социального взаимодействия.

Научная новизна.

1. Впервые внушение рассматривается как способ снятия гносеологической неопределенности.
2. Показано, что внушение не нарушает целостности опыта, формируя непротиворечивую последовательность установок.
3. Впервые внушение анализируется как механизм саморегуляции самости, позволяющий вызывать или нивелировать отчуждение в субъект-субъектном взаимодействии.
4. Уточнены механизмы не только снятия, но и генерации гносеологической неопределенности, связанной с аксиологическим аспектом познавательной деятельности, базирующейся на автономном логико-рационалистическом мышлении.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Предложенный в работе подход к проблеме внушения в познании, а также внушения как модуса самости обеспечивает более глубокое понимание

механизмов формирования мнений, убеждений и установок, особенностей трансляции знаний и ценностей в обществе, природы социального познания, а также оснований субъект-субъектного взаимодействия.

Исследование открывает перспективу более детальной оценки угроз и рисков, связанных с доминированием такого способа снятия гносеологической неопределенности как внушение, в то же время очерчивая ту сферу познавательной деятельности, в которой внушение способно всецело соответствовать гуманистическим идеалам современных наук.

Впервые рассмотренная связь внушения и самости с учетом опыта как целостности структурированных непротиворечивых установок дает новые возможности для исследования отдельных социальных технологий и техник воздействия для оценки их конструктивного или деструктивного влияния на личность и ее свободу выбора.

Материалы исследования могут привлекаться при разработке лекционно-семинарских курсов по дисциплинам, изучающим различные аспекты познания, межличностного и группового общения, влияния и управления.

Апробация результатов исследования.

Итоговые и промежуточные выводы диссертационного исследования были представлены на следующих мероприятиях:

- Научно-практическая конференция «Социальное и психологическое здоровье: новые подходы по профилактике» 20 апреля 2013 года, Русский центр Одесского национального университета имени И. И. Мечникова при участии Представительства Россотрудничества в Одессе;
- заочная Международная научно-практическая конференция «XX Глобализация науки: проблемы и перспективы», 07 февраля 2014 года, Уфа;

- 12-я Международная научно-практическая конференция «Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра», посвященная годовщине Первой мировой войны и моделям антикризисного управления в условиях социальных конфликтов и системных кризисов, 25 апреля 2014 года, Санкт-Петербург;
- Международная научно-практическая конференция «Государство, наука, бизнес: перспектива сотрудничества» 23 апреля 2015 года, Сосновоборский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
- XXIII Международная конференция «Ребенок в современном мире» 20-22 апреля 2016 года, Санкт-Петербург.

Результаты диссертационного исследования отражены в 14 научных публикациях (Россия, Украина), в том числе в трех статьях, опубликованных в издании, рекомендуемом ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** диссертации дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность выбранной темы, ее новизна, цели и задачи диссертационного исследования, приводятся выносимые на защиту положения, теоретическая и практическая значимость, а также апробация работы.

Глава 1 «Роль внушения и внушаемости в формировании опыта» посвящена проблеме выработки единого методологического подхода к исследованию внушения, позволяющего преодолеть различия в трактовке этого феномена в разных областях знаний. Также проанализированы внушение и его роль в познании в тесной взаимосвязи с верой, убеждением, мнением, мотивом и установкой.

Показано, что внушение, включая в себя установку, оказывается компонентом поддержания веры и может включать в себя убежденность, то есть выходить за рамки сугубо бессознательных процессов. Анализ перехода осознаваемого в бессознательное, как и противоположный процесс, позволяет глубже понять, каким образом внушение соотносится с убеждением, мнением и верой, участвуя в познавательном процессе.

В § 1 «Социально-психологический подход к проблемам теории познания» рассмотрены подходы гуманитарных и естественных наук к проблеме внушения, выявлен ряд непреодолимых различий в определении внушения в контексте психологических, педагогических, медицинских, социологических и философских исследований. Особое внимание уделяется предложенному Б. А. Еруновым социально-психологическому подходу к проблемам теории познания: гносеология, обращаясь к достижениям социально-психологических наук, способна существенно обогатить представления о мышлении познающего субъекта и расширить проблемное поле теории познания, выйдя за рамки сугубо логической стороны природы познавательной деятельности, в том числе уделяя внимание роли неопределенности в коммуникации.

Также показано, как смысл и мотив соотносятся в контексте двух разных аспектов освоения действительности – когнитивного и деятельностного: мотив всегда привязан к ситуации, а смысл, являясь более широким понятием, выходит за рамки конкретной ситуативной данности. Убеждение в

этой связи рассматривается как ценностное и познавательное основание для действия. Таким образом, убежденность соотносится, прежде всего, со смыслом как с конечной целью, но не с мотивом, который определяется как некий смысл отдельной ситуации. Ограниченность ситуацией, в свою очередь, показывает нам, что внушением можно влиять, прежде всего, на мотивы действий. Обобщая вышесказанное, внушение характеризуется деятельностным аспектом познания, ограниченным ситуацией. Однако убеждение и внушение не противостоят друг другу: убеждение даже постфактум, в безотчетном «свернутом виде», предполагает опыт критического осмысления, а усвоение внушения представляет собой этап, предваряющий критическую оценку и переход в убеждения.

В § 2 «Внушение как компонент и инструмент веры» автор анализирует взаимосвязь рациональной и религиозной веры и внушения. Показано, что сложность феномена веры заключается в том, что она включает в себя внушение не только как компонент или механизм актуализации, доверия к первичной информации, но и как инструмент поддержания, осознанной культивации веры, в котором внушение уже как самовнушение опирается на волю, комплекс убеждений и на специальные ритуальные практики, повышающие сопротивление внешнему воздействию и возможной противоречащей информации. Такая вера представляется уже осознанным ценностным выбором человека в условиях неопределенности: «незрелая» внушенная вера противопоставляется «зрелой», то есть использующей внушение для регуляции самости в ситуациях постоянно довлеющей неопределенности.

Итогом первой главы становится утверждение, что внушение как воздействие, направленное на формирование установки у внушаемого на основе имеющегося ценностного отношения к явлению или событию, преломляет познавательный процесс и влияет на его результат. При этом

внушение и способность его воспринимать, будучи эволюционно приобретенным неотъемлемым свойством психического, может рассматриваться как компонент веры, способ ее культивации, а также как способ прививания предварительного мнения в условиях, ограниченных ситуацией. Тем самым внушение в качестве акта познания опосредовано деятельностным контекстом и связано с мотивом как с ситуационным полаганием смысла действия.

В Главе 2 «Гносеологический смысл внушения» раскрывается роль внушения как механизма саморегуляции самости в ситуациях неопределенности, порождаемых субъект-субъектным взаимодействием.

Показано, что внушение встраивается в структуру опыта, формируя последовательность его установок, представляющую собой динамичную целостность, достаточно устойчивую к противоречиям. Рассмотрены современные философские подходы к проблеме внушения, обнаруживающие риски в автономии субъекта познания, для которого гносеологическая неопределенность, с одной стороны, требует значительных усилий для самостоятельного выбора способа действий, а с другой – оказывается необходимой для творческого постижения действительности свободой. Анализируется снятие гносеологической неопределенности в различных состояниях субъекта познания.

§ 1 «Неопределенность в познании: ценностный аспект» посвящен гносеологической неопределенности в ее связи с социальными ценностями субъекта познания.

Анализ неопределенности в субъект-субъектных отношениях показывает, что человек в своем познавательном отношении к миру привносит определенность, упорядочивая свою деятельность, но в то же время он генерирует неопределенность, которая выступает, с одной стороны, как

свобода – новый горизонт дальнейшего поиска определенности, а с другой – как бремя, потому что требует выбора в условиях конфликтов групповых и индивидуальных ценностей, связанных с самоидентификацией.

Принятие гносеологической неопределенности предполагает не только нагрузку на субъект действия в связи с его усилиями, прилагаемыми для ситуативного выбора. Так, в ситуации выбора человек должен каждый раз решать, действует ли он от собственного лица, или от группы, то есть от «Мы», которое предлагает ему «определенную» свободу действий или не предлагает ее вообще как, например – в условиях, когда нет достаточных ресурсов и средств для того, чтобы соотнести предложенный способ действия с желаемым для субъекта результатом.

В § 2 «Самость и ее границы: возможность внушения» в фокусе исследования оказывается проблема проницаемости самости при ее устойчивости: возможность внушения противоречит представлению о закрытости самости, поэтому автор предлагает рассматривать самость как проницаемую динамичную целостность, не сводимую к одному только Я. Многоуровневая структура самости позволяет осуществлять самоидентификацию через принятие и ранжирование групповых, социальных, культурных ценностей. Конфликты ценностей ведут к постоянным усилиям самости по поиску равновесия со средой через самоопределение, в котором она соотносит себя с Другими, обнаруживая сходства с ними и различия.

Меняющиеся границы самости (в зависимости от контекста, в котором происходит самоидентификация) объясняют ее настроенность к внушению потребностью в самопоиске через Другого. Автор диссертационного исследования согласна с М. К. Мамардашвили в том, что самость не растворяется в Другом и в социуме, так как ее существование определяется ее же усилием в отношении «зазора» неопределенности («самостоянием»), то

есть самостоятельным ценностным выбором. В ситуации, где самость отказывается от усилия или не проявляет его, она оказывается проницаемой для внушения, так как частично или полностью утрачивает способность к саморазличению. Наиболее ярким примером такой потери себя является слияние с толпой.

Примечательно, что, по мнению В. В. Бибихина, крайнее обособление («отгораживание в самости»), когда, потерявший свое «Мы» субъект становится лишь «осколком» человеческого, не тождественно усилию «самостояния», а как раз является признаком образования толпы. Таким образом, для регуляции самости поиск и различий, и общности имеет одинаково решающее значение.

В § 3 «Проблема целостности в познании» формирование опыта характеризуется с позиций деятельностного подхода как процесс, в котором не предполагается «разрывов», ведь деятельность требует от субъекта «превращения» опыта, его постоянного обогащения. На первый план выходит не полнота знания как таковая, а целостность опыта, то есть единство установок, лишённое противоречий. В противном случае фиксировалась бы недостаточность знаний для действия, невозможность целенаправленной активности, но целостность как раз воспроизводит достаточность, не претендуя на большее.

Целостность как основание позволяет самости «подогнать» объективную реальность под свои возможности и действовать в конкретных условиях. Чтобы выявить внушение, объекту воздействия необходимо выйти из ситуации, в которой оно было осуществлено, «подняться» над ней, осмысленно отклонив его или же приняв как собственное мнение или убеждение.

Опыт рассмотрен как целостность и показано, что эмоциональные связи, обусловленные избирательным, а именно – ценностным отношением к событиям, оказывают прямое влияние на внутренние связи в «структуре» опыта. Таким образом, каждая новая установка учитывает предыдущие, новый интенциональный акт уточняет предшествовавшие. Невозможность внушить то, чего нет в опыте, подтверждает зависимость внушения от знания, а также его оценок, мнений.

§ 4 «Внушение и опыт сознания» посвящен анализу того, как внушаемая установка встраивается в опыт, на основе которого субъект принимает решения в дальнейшем. В параграфе детально анализируются современные подходы к проблеме соотношения сознательного и бессознательного.

Показано, что сознание работает с постоянным продуцированием и проверкой гипотез, ему нужно больше времени и ресурсов, чтобы приблизиться к решению. Внушение же эффективно в сфере неразличения Я и не-Я, то есть когда речь идет о превалировании у объекта воздействия неподотчетных его сознанию процессов. С учетом того, что автономное мышление требует от субъекта больших усилий, чем принятие внушения, в условиях решающего значения временных и физических затрат автономное мышление теряет свою эффективность, происходит вынужденный регресс, открывающий возможность для внушающего. Итак, дефицит или временное снижение ресурсов самости неминуемо влечет за собой повышение внушаемости.

Высокая затратность автономного мышления обуславливает успех внушающего воздействия при ресурсных и временных ограничениях. Для общества проблема таких искусственно создаваемых ограничений является вызовом, так как они делают субъект податливым внушению, управляемым, некритичным, создавая платформы для «эпистемического тоталитаризма». Достигается омассовление, которое способно нивелировать зрелость

мышления субъекта, уровень компетенций и их оценку, так как осмыслить готовое мнение «нет времени», «нет сил» и более того, в толпе – уже «некому» (расщепление самости). В таких условиях основывающееся на когнитивных ценностях автономное мышление уступает технологиям расщепления самости в пользу навязываемых и ситуационно принимаемых групповых ценностей.

Итогом второй главы является утверждение, что внушение гармонизируется с предшествующим опытом, исходя из целей и ценностей субъекта познания, образуя непротиворечивую целостность последовательных установок, а также содержит в себе принцип регулятивности самости, которая в силу ограничений в разной степени утрачивает самонеразличенность в общении. Ограничения, генерирующие гносеологическую неопределенность, снимаются внушением в тех случаях, когда ресурсы и, соответственно, усилия субъекта для ее автономного преодоления оказываются недостаточными. Успех внушения зависит от уже приобретенного знания и сформировавшихся мнений объекта воздействия.

Таким образом, внушение, понимаемое нами как формирование установки на основе ценностного отношения к явлению или событию, не нарушающее субъективной целостности опыта и обусловленное требованием равновесности в условиях ограниченных ресурсов, выступает как регулятор самости, снимая гносеологическую неопределенность в пользу ситуационно прививаемых извне смыслов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, подчеркивается его теоретическое и практическое значение, а также намечаются пути и перспективы развития данной проблематики в рамках наук о человеке.

Рассмотренная нами роль внушения в формировании динамической структуры опыта дает представление о том, каким образом достигается целостность и устойчивость индивидуальной системы установок, мнений, верований и убеждений. Исследование внушения может, на наш взгляд, и в дальнейшем расширять проблемное поле философии, например, охватывая вопросы, напрямую связанные с превалированием личных и групповых установок над когнитивными ценностями, возникновения предубежденности, раскрывая условия стереотипизации в практической деятельности, развития культурной архетипики, формирования развивающей или конфликтной среды и т. д.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях.

Статьи из перечня рецензируемых научных изданий:

1. Юрова И. В. Ценностные аспекты веры и внушение / И. В. Юрова // *Научное мнение.* – 2016. – №3. – С. 52-58 (0,9 п.л.).

2. Юрова И. В. Неопределенность в познании: ценностный аспект / И. В. Юрова // *Научное мнение.* – 2016. – №8-9. – С. 41-47 (0,9 п.л.).

3. Юрова И. В. Самость и ее границы: возможность внушения / И. В. Юрова // *Научное мнение.* – 2016. – №11. – С. 41-47 (0,9 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

1. Юрова И. В. Суггестивный текст: перспективы использования в средствах массовой информации и образовательных структурах / И. В. Юрова // *Академический журнал. Юбилейный выпуск. Академия гуманитарного образования.* – 2008. – №6. – С. 215-222 (0,5 п.л.).

2. Юрова И. В. Суггестивное воздействие в процессе обучения / И. В. Юрова // *Текст. Коммуникации. Методика преподавания. Сборник*

научных статей. НОУ «Академический институт гуманитарного образования». – СПб., 2010. – С. 158-165 (0,5 п.л.).

3. Юрова И. В. Роль внушения и самости в формировании субъективной реальности / И. В. Юрова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 155-160 (0,4 п.л.).

4. Юрова И. В. Гипноз и внушение. Другой как контур самопознания / И. В. Юрова // Глобализация науки: проблемы и перспективы. Сб. ст. Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа, 2014. – С. 160-167 (0,4 п.л.).

5. Юрова И. В. Внушение и быстроедействие / И. В. Юрова // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра: сборник статей и докладов 12-й Международной научно-практической конференции «Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра», посвященной годовщине Первой мировой войны и моделям антикризисного управления в условиях социальных конфликтов и системных кризисов 25 апреля 2014 года / Под общ. ред. Кудряевой Т. А.; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Сосновый Бор, 2014. – С. 195-201 (0,4 п.л.).

6. Юрова И. В. Роль установок в поведении личности: понятие, структура, функции / И. В. Юрова / Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Сосновоборский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Астерион. – 2014. – №4 (12). – С. 187-191 (0,5 п.л.).

7. Юрова И. В. Определение границ понятий вера и внушение / И. В. Юрова // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. – 2014. – №16 (293). – С. 149-152 (0,5 п.л.).

8. Юрова И. В. Социально-психологический подход к проблемам теории познания / И. В. Юрова // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. – 2014. – №18 (295). – С. 111-114 (0,4 п.л.).

9. Юрова И. В. Соотношение понятий установки и убеждения / И. В. Юрова // Символическая Вселенная ребенка: между информацией и знанием: сборник научных трудов / Под ред. К. В. Султанова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. – С. 334-337 (0,5 п.л.).

10. Юрова И. В. Убеждение, смысл и мотив – проблема определения понятий / И. В. Юрова // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. – 2016. – № 9 (334). – С. 64-67 (0,5 п.л.).

11. Юрова И. В. Я и другие: вызовы для автономного мышления / И. В. Юрова // Теоретический журнал Credo New. – 2017. – № 2 (90). – С. 106-116 (0,7 п.л.).